

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ

КОММЕНТАРИИ

Исторія литературы — лѣтопись легкомыслія и непостоянства. Нѣтъ, кажется, ни одного теченія, ни одной теоріи, которая черезъ двадцать пять — тридцать лѣтъ не показала бы вздорной и плоской.

Сейчасъ новые беллетристы пишутъ большей частью «подъ Пруста»; стараются, по крайней мѣрѣ... Крайне вѣроятно, что черезъ двадцать пять лѣтъ будутъ ужасаться тому, что намъ сейчасъ нравится. Опять будутъ восстановлены въ правахъ вещи и вѣшній міръ. Опять будетъ считаться признакомъ изящнаго тона — писать короткими фразами. Найдены будутъ умные, язвительные, временно-неотразимые доводы противъ психологизма. Однимъ словомъ, мы останемся въ дуракахъ... Не черезъ двадцать пять лѣтъ, такъ черезъ пятьдесятъ, не въ томъ видѣ произойдетъ переворотъ, такъ въ другомъ. Но произойдетъ навѣрно.

Единственный выводъ изъ всего этого: надо слушать *голосъ* книги, то, что за словами, послѣ словъ и что переосѣнкѣ не подлежитъ. Не имѣетъ никакого значенія, каковы приемы автора. Конечно, писатель дѣлающій подлинно-творческое усиліе, почти всегда бываетъ и фформально новъ, т.-е. бываетъ въ согласіи съ временемъ: это дважды два четыре, не стоитъ объяснять... Но все таки важно только то, что остается въ памяти, когда остовъ книги забыть, когда тускнѣетъ фабула и обликъ героевъ: если не остается ничего, значить ничего въ книгѣ и не было, какъ бы «блестяща» она ни казалась. Все можно поддѣлать, кромѣ этого *arrière-gout*, безошибочно опредѣляющаго цѣнность творчества, отражающаго то, безъ чего литература есть всего лишь праздная пошлость (Метерлинкъ въ ранней молодости очень вѣрно сказалъ «развлеченіе для дикарей»):

Толстой, въ «Аннѣ Карениной».

Анна, передъ самоубійствомъ, ѣдетъ въ коляскѣ по московскимъ улицамъ, и растерянно-сомнамбулически смотритъ по сторонамъ. «Тюткинъ ку-

---

афферъ. Je me fais coiffer par Тюткинъ». Этотъ Тюткинъ въ свое время многихъ поразилъ.

Но теперь онъ поражаетъ по другому: зачѣмъ это понадобилось Толстому, въ концѣ великаго и грознаго его романа, когда въ послѣдній разъ склоняется онъ надъ своей жертвой, когда тема отмщенія звучитъ какъ какой-то средневѣковый органъ, на этихъ предѣльныхъ для человѣческаго искусства страницахъ, — зачѣмъ понадобился ему этотъ вѣрный, и пусть даже въ свое время смѣлый, но все таки дешевой, непрочный эффектъ. Ну, да, конечно: подмѣчено и найдено безошибочно. Но съ тѣхъ поръ вѣдь всѣ научились такъ подмѣчать, и неужели Толстой не долженъ былъ пренебречь тѣмъ, что всякому стало такъ легко доступно? Для чего это щегольство деталями, — разъ уже и безъ нихъ все безопадно - ясно, и никакой Тюткинъ къ сути дѣла ничего добавить не можетъ, а наоборотъ только разсвѣиваетъ вниманіе.

Когда-то я объ этомъ говорилъ Бунину. Онъ сразу, съ живостью согласился: «да, да, конечно» — и пережѣнилъ разговоръ, будто не желая разглядывать пятенъ на солнцѣ.

Насъ во многомъ упрекнетъ будущее. Но кое-что мы все-таки нашли такое, отъ чего не откажемся никогда, какъ никогда никто насъ не убѣдитъ, что не были мы правы: сознаніе тщеты и суетности всего, что не окончательно неустранимо въ литературѣ, желаніе покончить разъ навсегда со всѣми маленькими «красотами», которыя заслоняютъ главную, единственную красоту, недовѣріе къ образной яркости, къ образамъ вообще. «Я лютеранъ люблю богослуженье». Говорятъ, лютеранство убило религію, можетъ быть *это* убиваетъ литературу, ограничиваетъ ея область, во всякомъ случаѣ, — и чѣмъ дальше вдумываешь, тѣмъ кругъ все тѣснѣе. Но все таки «я лютеранъ люблю богослуженье», чистую, позднюю, трагическую простоту его.

Какъ можно не видѣть, что христіанство уходитъ изъ міра!

Доказательствъ нѣтъ. Но вѣдь не все же надо доказывать. Достаточно взглянуть повнимательнѣе: позднее утро сейчасъ, солнце взошло уже высоко, — и все слишкомъ ясно для общихъ восторговъ, испуговъ и надеждъ. «Тайна» осталась на самыхъ низахъ культуры иногда на самыхъ верхахъ, но въ воздухѣ ее нѣтъ, и нельзя уже міру ее навязать... Будетъ трезвый, грустный и умный день.

Мережковский кричитъ: «вѣмъ же надо быть, чтобы оставить Его въ

эти дни!». Увы, улы, это лишь полемическій приёмъ, одинъ изъ тѣхъ, безъ которыхъ въ такихъ дѣлахъ лучше было бы обойтись. Отвѣтъ несомнѣненъ: кѣмъ надо быть? — подлецомъ. Возражающій посрамленъ — и умолкаетъ. Но дѣло вовсе не въ оставленіи «Его», не въ личномъ предательствѣ, о нѣтъ: можно быть вѣрнымъ, не надо быть слѣпымъ, можно ужасаться грядущей пустотѣ въ душахъ, бессмысленно все таки ее отрицать... И честнѣе, мужественнѣе подумать: чѣмъ же эту пустоту заполнить? «Что дѣлать намъ и какъ помочь?». Мережковскій брезгливо упирается, опасливо прячетъ голову въ подушку, какъ ни въ чемъ не бывало сочиняетъ новые догматы, — старыхъ ему, очевидно, мало... Отъ увѣренности, что обладаетъ истиной, онъ то, можетъ быть, и предаетъ ее: въ темныхъ углахъ, по забытымъ душевнымъ убожищамъ еще прячется она, отступая, бросая все за собой, и не до догматовъ ей! Страшно сейчасъ христіанину въ мірѣ, страшнѣе чѣмъ было на аренѣ со львами, — тогда все рвалось впередъ, а сейчасъ впереди ничего. «Оссана сыну Давидову»: послѣднія пальмы, послѣднія слабѣющія руки тянутся вслѣдъ Ему, и ужъ какія тутъ догматическія увѣщанія и споры, будто на вселенскихъ соборахъ, если исчезаетъ духъ, тема, образъ.

«Мы свой, мы новый міръ построимъ». Лично — отказываюсь (не о себѣ; «я» предполагаемое). Остаюсь на той сторонѣ. Но не могу не сознавать, что остаюсь въ пустотѣ, и тѣмъ другимъ ни въ чемъ не хочу мѣшать. Хочу только помочь... Удивительно, что Мережковскій не захотѣлъ понять «пустосторонняго» риска христіанства, и пристыдивъ воображаемаго собеседника - подлеца насчетъ «оставленія Его», не замѣтилъ, что даже и въ религиозномъ планѣ, съ допущеніемъ проникновенія во всякую мистику и метафизику, ставка христіанства можетъ быть проиграна. Ибо въ конечномъ счетѣ «подлецъ» говоритъ: «не люди, — Богъ противъ Него; не можетъ быть, чтобы сотворившій міръ хотѣлъ испепелить его, не можетъ быть, что этотъ вызовъ всему всемірному здоровью или благоразумію былъ въ согласіи съ всемірной жизненной волей...». И такъ далѣе. И тутъ же страшныя евангельскія цитаты: блаженны нищіе, — отчего именно нищіе? блаженны плачущіе, — отчего только плачущіе? Отчего неудачники блаженны, вообще? И непонятный, навсегда непонятный разговоръ о блудномъ сынѣ, окончательно, если вдуматься, взрывающій все «вверхъ дномъ». И богатый юноша, который не напрасно же «отошелъ съ печалью». И, наконецъ — послѣднее: «кто не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и притомъ и самой жизни, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ». «Ужасное» одиночество Христа тогда и обнаруживается впол-

---

нѣ. Не только, кажется, люди оставляютъ Его: природа міра отказывается подчиниться Ему. Послѣдній, предсмертный крикъ на крестѣ: «Боже мой, Боже мой...» еще не потерялъ значенія, и ужъ если быть Ему вѣрнымъ, то «il ne faut pas dormir pendant ce temps-là», какъ дрожащей отъ волненія и любви рукой писалъ Паскаль. Надо согласиться на все: даже и умереть съ Умершимъ.

Еще гораздо страннѣе (если бы не была такъ давно знакома) — добродѣтельная новгородско-утвержденская модернистическая кашка изъ приторнаго нестеровскаго православія и социалистическихъ «достиженій», вся эта вообще революція на лампадномъ маслѣ. Доказать и тутъ ничего нельзя. Но вся фальшь, которая есть въ Достоевскомъ, — въ «Дневникѣ Писателя» больше всего, хотя и въ письмахъ, и даже въ «Карамазовыхъ», — и во всей этой государственно-православной литературной линіи, съ отклоненіями то къ Соловьеву, то къ Леонтьеву, здѣсь сгущена до нестерпимой отчетливости. Народъ нашъ — Богомъ отмѣченъ, ризой пречистой одѣтъ, царя и церковь святую чтить, однако, «ружей бы намъ побольше» (увы, Достоевскій). Главное: они хотятъ «строить», реально, во времени и исторіи, на землѣ, — и не чувствуютъ неумолимаго «или — или», раздѣляющаго христіанство и будущее. Если иногда и чувствуютъ, то конфетокъ новѣйшаго производства у нихъ припасено достаточно, чтобы внезапно эту горечь заглушить.

Не опровергнуто христіанство, конечно. Но «испустило духъ», выдохлось, изшло за два тысячелѣтія всѣми своими силами и всей страстью. Сейчас мы смотримъ *вслѣдъ* ему, — смотримъ и не можемъ оторвать глазъ. «О, свѣтъ вечерній». Единственный свѣтъ, никогда не было такого, надо бы на колѣни стать, провожая его.

Но слѣпота ничему не поможетъ. Уже и подумать нелѣпо, чтобы можно было опять вдохнуть его въ кровь человѣчества, и поднять, напимѣръ, какіе нибудь новые крестовые походы. Кровь по другому кипитъ теперь, о другомъ кипитъ. Сейчас люди это лишь до - любиваютъ, до - вѣрываютъ, до-думываютъ, и если въ нѣкоторыхъ душахъ христіанство дѣйствительно будетъ (или должно бы) жить вѣчно, то лишь въ разбитыхъ и растерянныхъ душахъ, въ такихъ, которыхъ жизнь хорошенько потреплетъ передъ тѣмъ... Въ выбывшихъ изъ строя, однимъ словомъ. Тогда они вспомнятъ: «блаженны нищіе» — и поймутъ. Удивительна въ Евангеліи именно эта побѣда надъ без-

---

надежностью: нѣтъ положенія изъ котораго не было бы выхода, по Христу, нѣтъ «дна» вообще. Въ этомъ смыслѣ — нѣтъ смерти.

Кстати, у Мережковского приведено незаписанное, отвергнутое церковью изрѣченіе, — въ дополненіе къ тому, извѣстному, что «если двое соберутся во имя мое...»:

— «Гдѣ и одинъ человѣкъ, Я съ нимъ».

Будто торопливая, запоздалая поправка, въ предѣльно-ясновидящемъ и милосердномъ пониманіи того, что иногда нужно человѣку... Церковь должна была ее отвергнуть. Но все очарованіе христіанства въ этихъ словахъ. Нечего больше сказать.

Вѣяніе подлинности. — Наука ничего о Христѣ не знаетъ. «Il est insaisissable», замѣтилъ недавно осторожный Рейнакъ.

Но избытокъ осторожности умерщвляетъ самую возможность знанія... Случается, что перечитывая Евангеліе останавливаешься, и пораженный чувствуешь: этого не могло не быть. Есть изрѣдка, кое-гдѣ, у всѣхъ евангелистовъ такіе «проблески», въ особенности у Марка. Читаешь въ сотый разъ, почти ничего уже не видя, — и вдругъ каждое слово становится по новому ясно.

Разсказъ о Крестной смерти.

— Въ девятомъ часу возопилъ Иисусъ громкимъ голосомъ: «Элои, элои, ламма савахфани?», что значитъ «Боже мой, Боже мой! для чего Ты меня оставилъ?». Нѣкоторые изъ стоявшихъ тутъ, услышавъ, говорили: «вотъ, Илію зоветь» То же повторено у Матфея.

Невѣроятно! Какъ я могъ столько лѣтъ читать и знать это, ничего не замѣчая. Вѣдь подумайте: если этого не было на самомъ дѣлѣ, въ простѣйшей и реальнѣйшей дѣйствительности, то кому же надо было сочинять эту подробность относительно «нѣкоторыхъ», можетъ быть тугихъ на ухо, которые не разслышали и сказали: «вотъ зоветь Илію». Можно ли у простодушнаго Марка предположить такой профессиональный писательскій опытъ и эстетическую изощренность, чтобы выдумать этотъ «штрихъ», ни для чего абсолютно не нужный, кромѣ какъ для беллетристической живости, которую онъ не могъ же дѣлать! Вѣдь это впрямую умѣлому теперешнему бытовіку — такъ сочинять, Тригорину какомунибудь... Значитъ — было. Маркъ не заботится о картинности. Маркъ только записалъ то, что зналъ: эпизодъ, почти

анекдотъ, не имѣющій никакого значенія, — какъ собиралъ и другое. Значить было все: по одному слову убѣждаешься въ цѣломъ.

Онъ говорилъ съ людьми рѣшительно обо всемъ. Но онъ ни разу не сказалъ имъ, что надо быть честными... Нагорная проповѣдь, заповѣди, блаженства. Представьте себѣ: «Блаженны честные». Невозможно! Сразу будто барабанъ какой-то вторгается въ райскія скрипки: все тутъ же меркнетъ, все прозаливается и умолкаетъ. Невозможно.

Но Римъ и здѣсь одержалъ побѣду надъ нимъ. Отъ всяческихъ римскихъ Муціевъ Фабриціусовъ, которые вмѣстѣ съ конемъ и, конечно, въ полномъ вооруженіи бросались со скалы, если были «обезчещены», идетъ прямая соединительная нить къ какому нибудь нашему сѣдоусому, грозноокому орлу-полковнику, который «не моргнувъ» подсовываетъ своему набѣдокурившему сыну револьверъ:

— Иди, застрѣлись. Это твой послѣдній долгъ.

И потомъ гордо и страдальчески, съ облегченной совѣстью, смотреть «прямо въ глаза» обществу, которое почтительно восхищено... Это Римъ въ чистѣйшемъ видѣ, въ самомъ высокомъ видѣ его. Отъ Христа здѣсь не осталось ничего, и хотя подполковникъ, вѣроятно, ходитъ по праздникамъ къ обѣднѣ и лобызаетъ золотой крестъ, выносимый его пріятелемъ — батюшкой, все таки онъ душой всецѣло съ тѣми, кого ужаснуло когда-то христіанство, какъ позоръ и мерзость. Если бы ему сказали это, онъ удивился бы, потому, что привыкъ чтить все установленное вѣками... Какъ ему враждовать съ Христомъ? Жестокій, длительный, кропотливый реваншъ Рима произошелъ негласно, тутъ же «подъ самымъ носомъ» церкви, при тайномъ ея согласіи, или непониманіи того, что дѣлается, или въ рѣдчайшихъ случаяхъ, подъ ея безпомощные, грустные вздохи... Надо было вновь укрѣпить и скрѣпить расшатавшійся міръ, нельзя было допустить, чтобы надъ идеаломъ общественно-нужнымъ вознесенъ былъ иной идеаль, общественно-неясный и опасный. «Долгъ выше всего, честь выше всего». Человѣкъ нашего времени повторяетъ это спокойно и увѣренно; даже если не въ силахъ этимъ твердымъ принципамъ слѣдовать, онъ въ нихъ не позволяетъ себѣ усомниться, и въ безмятежномъ невѣдѣніи своемъ опять толкаетъ забытаго, мнимо-чтимаго Учителя на «второе пропятіе».

По Христу все это не существенно. Онъ не «противъ» и не «за»: ему

некогда о такихъ вещахъ думать. «Воздадите кесарево...». Только навѣрно это не выше всего. Это просто «законъ».

ПИСЬМА А:

Тема Пушкина не даетъ мнѣ покоя. Тема «Пушкинъ», вѣрнѣе... Тема искусства. Бываетъ, что мнѣ хочется погрозить ему кулакомъ, «ужо тебѣ!» какъ Евгенийъ Петру въ «Мѣдномъ Всадникѣ». А потомъ я принимаюсь читать — и мало по малу все забываю, «сдаюсь».

Чудный и грѣшный поэтъ, «несчастный какъ сама Россія», по чьему-то вѣрному — не помню, кто сказалъ — слову. Непонятно, когда это успѣли накурить передъ нимъ столько благонамѣреннаго фиміама, что за дымомъ ничего уже и не видно. Къ фиміаму большинство и льнетъ: удобно, спокойно. «Поклонникъ Пушкина, но человѣкъ неглупый...» — эту фразу написалъ я какъ-то само собой, не сразу замѣтивъ ея парадоксальность.

Иногда представляешь его себѣ, — схематически, такъ сказать: страшный оскалъ негритянскихъ, сіяющихъ зубовъ, не то въ усмѣшкѣ, не то въ предсмертномъ изнеможеніи, — и безвоздушное, черное — черное пространство вокругъ, безъ всякихъ Боговъ и утѣшеній. О, какъ тяжело ему жилось!

Кто-то вполголоса, разсѣянно заплѣлъ въ сосѣдней комнатѣ:

Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была...

Вотъ, услышалъ я эти строчки, и простите, другъ мой, если сантиментально, едва не заплакалъ, застигнутый врасплохъ, не успѣвъ во время душевно «защититься»... Не могу безъ слезъ этого читать и слушать. Есть вообще въ послѣднихъ главахъ «Онѣгина» такая предѣльно-провизительная для меня, улетающая и грустная прелесть, что не могу ее выдержать. «Пушкинъ, Пушкинъ, золотой сонъ мой». Но послушайте, вотъ, — это слишкомъ хорошо, и поэтому, жизнь уже не вмѣщается въ это. Оттого и грусть. Не увѣренъ-что правильно здѣсь сказать «поэтому»... Но жизнь рвется мимо, мутнымъ, тепло-рвотнымъ, грязно-животворящимъ потокомъ, и я все таки хочу быть съ ней, несмотря ни на что, превозмогая иногда отвращеніе, и знаю, что обратно ее въ былую стройную прелесть вогнать уже нельзя: уже другіе элементы

вошли въ игру, уже явственно звучить другая музыка, и я хочу быть съ ней! Поймите, мнѣ иногда мечтается новый «Онѣгинъ». Для разума моего онъ еще невозможенъ, не могу себѣ представить его, но сердцемъ жду: опять все пронизать такой же гармоніей, найти всему имя и мѣсто, упорядочить данныя міра, одно къ одному, — и не такъ какъ теперь, реакціонно-музейно, жму-рясь отъ одинокаго наслажденія, вдыхать аромать рѣдкаго, полуувядшаго цвѣтка, а всѣмъ своимъ существомъ чувствовать влагу, еще идущую отъ земли.

Отсюда переходъ. Не удивляйтесь рѣзости скачка, но я всегда объ этомъ, почти только объ этомъ, и думаю. Вѣрнѣе — сразу думаешь обо всемъ вмѣстѣ съ поэзіей. Ну, вотъ, скажу прямо, банальнѣе банальнаго: «впередъ безъ страха и сомнѣнія». Или со страхомъ и сомнѣніемъ, но все таки-впередъ. И не то, что «да здравствуетъ Москва», нѣтъ, о нѣтъ, — но да будетъ то, что будетъ, то, что должно быть. Не отъ пассивно-мечтательнаго безволія моего говорю это, но отъ моральнаго, — насколько оно мнѣ доступно, — ощущенія времени и бытія... Въ прошломъ было благолѣпіе. Были ли вы когда нибудь въ Версалѣ зимой, въ сумеркахъ, бродили ли по пустымъ аллеямъ его: это — какъ «Онѣгинъ», потому что здѣсь жизнь тоже достигла какого-то острія своего, какой-то окончательно-завершенной формы, — и исчезла... Но я отъ благолѣпія отказываюсь, отрываю отъ сердца любовь къ нему, потому что сколько ни вглядываюсь, не вижу другихъ основаній для него — кромѣ тьмы. Благолѣпіе держалось на тьмѣ: на выбрасываніи всякихъ шестерокъ и двоекъ изъ колоды, на безпощадномъ, ювелирномъ выборѣ и просѣиваніи матерьяла. Защитники «стиля», эстеты исторіи это хорошо знаютъ, — и если революцію они ненавидятъ, то не столько за казни и за «грабежъ награбленнаго», сколько за прорывъ плотины. Но другъ мой: да будетъ то, что будетъ.

...У Константина Леонтьева: «какое же великое человѣческое дѣло не было замѣшано на крови!». Отвратительно! — потому, что не просто «коп-статированіе факта», а и скрытая попытка оправдать его, со смакованіемъ даже, какъ бѣгаютъ полюбоваться на пожаръ. Однако достойно все таки вниманія, что эта мысль встрѣчала живѣйшее сочувствіе и поддакиваніе у людей того же склада, которые теперь революціей такъ возмущены, — пока «неизбѣжная» во всѣхъ великихъ человѣческихъ дѣлахъ «кровь» относилась къ убійствамъ съ молебнами. Исчезли молебны: совѣсть сразу стала необычайно чуткой... Кстати, о Леонтьевѣ. Умъ, какихъ немного въ нашей литературѣ (Чаадаевъ? Герценъ?). Блестательный талантъ: меня всегда поражало его преклоненіе передъ Соловьевымъ, который куда же блѣднѣе и бѣд-

---

нѣе его. При всемъ томъ, ничего не сдѣлалъ, ничего не оставилъ послѣ себя, кромѣ двухъ-трехъ удивительныхъ по остротѣ *эстетическаго* сужденія критическихъ статей, въ частности о Толстомъ. Кажется, разгадка въ глубочайшей исторической «безнравственности» его духа, въ предпочтеніи законченности творчеству. Не серьезно, въ концѣ концовъ. Увлекательное чтеніе, любопытнѣйшій психическій случай, — но и только.

Когда-то Александръ III замѣтилъ, что кухаркиныхъ дѣтей не слѣдовало бы пускать въ университетъ.

По всей вѣроятности, съ его стороны это было лишь брезгливое брюзжаніе: полвѣка спустя еще видишь всю сцену, слишкомъ хорошо знакомую по общей російской атмосферѣ; еще слышишь скрипъ тяжелаго высочайшаго пера, накладывающаго «резолюцію»... Но инстинктъ самосохраненія сказался здѣсь въ полной мѣрѣ, замѣнивъ зоркость ума.

Безошибочный неумолимый расчетъ: увеличеніе знанія, распространеніе его въ ширину должно было неминуемо привести къ «потрясенію основъ». Не только блекнулъ ореолъ царскаго помазанничества, священнаго уже только для нѣкоторыхъ искреннихъ чудаковъ и для толпы безсовѣстныхъ публицистовъ (вспомните «Новое Время» въ 1917 году), но и вдалекѣ, за всяческими свободами, вставалъ призракъ соціальнаго переворота... Всѣмъ все раздѣлить поровну: едва только человѣкъ пойметъ, что онъ имѣетъ на этотъ дѣлежъ право, — а не понять онъ рано или поздно не можетъ, — какъ будетъ его требовать и къ нему идти. Нельзя поровну раздѣлить, такъ хоть владѣть сообща: иначе всѣмъ по справедливости размѣститься на землѣ невозможно... Усилія власти, которая этого страшилась, должны были быть направлены на то, чтобы тѣ, нежелательные, кухаркины дѣти, подольше ничего не понимали, — и потому то русская монархія и была давно обречена, что у нея не было силы противостоять общей тягѣ вѣка и эпохи къ образованію. Резолюція Александра III вызвала вѣдь вездѣ осужденіе, даже у самыхъ «благонамѣренныхъ» людей, которые представляли себѣ «свѣтлое будущее» въ такомъ видѣ, что повсюду откроются школы, мужички будутъ по вечерамъ при электрическихъ лампочкахъ читать газеты и благодарить добраго царя. Монархія сидѣла на двухъ стульяхъ — и провалилась. Тысячу доводовъ найдутъ вамъ въ отвѣтъ, чтобы сбить съ толку: не обольщайтесь, это именно такъ, въ грубой простотѣ своей. Просвѣщеніе работаетъ на лѣвизну, неотвратимо.

Вообще, свѣтъ идущій отъ человѣка — лѣвый. Божій... ну, это не по моей части, на это есть спеціалисты, считающіе себя главноуполномоченными Бога на землѣ. Ничего бы я противъ нихъ не имѣлъ, если бы только поменьше они шуллерничали.

О совѣтской Россіи.

Множество недоумѣній. Много вопросовъ хотѣлось бы задать, — но кому? Первое, насчетъ того, что намъ отсюда кажется притворствомъ и безстыдствомъ: насчетъ полного исчезновенія «фрондированія», завѣдомаго довѣрія къ новымъ авторитетамъ и всяческаго вообще удовлетворенія въ полномъ согласіи всѣхъ со всѣми.

Притворщиковъ и безстыдниковъ — безъ конца, не стоитъ о нихъ говорить. Но нѣтъ ли за ними естественнаго и здороваго ощущенія, которое сомнительно для насъ только по нашей непривычкѣ къ нему? Иронія раздѣдаетъ сознание, какъ ржавчина: мы заподозриваемъ все, и, конечно, не всегда напрасно. Кромѣ того, російская исторія приучила къ недовольству, и оно вошло въ «плоть и кровь». Насъ возмущаетъ не только угодничество передъ властью, но и отсутствіе предвзято-протестующаго начала въ отношеніяхъ личности къ обществу. Признаемся: насъ раздражаетъ «товарищество». А какая, должно быть, отрада, какое облегченіе: повѣрить, довѣриться, протянуть руку; примириться, сказать «давайте жить вмѣстѣ», прекратить поиски тайныхъ мыслей у другихъ... Не знаю, есть ли это въ Россіи. Но можемъ быть, есть — и хорошо, если было бы.

Затѣмъ, о огрубеніи и опрошеніи, особенно ясно въ литературѣ. Какой то пѣмецъ написалъ имъ недавно: «ваша литература отстала отъ европейской на пятьдесятъ лѣтъ» — и по своему былъ безспорно правъ. Но одна-ли только прямая, «столбовая» дорога у людей? Не правильнѣе ли предположить, что существуютъ рядомъ тропинки, никуда не приводящія, и что заблудившіеся въ нихъ, и возвращающіеся назадъ, хотя бы и на «пятьдесятъ лѣтъ», могутъ оказаться все таки впереди тѣхъ, которые безмятежно продолжаютъ идти къ тушику? Все дѣло въ этомъ. Не политически, но морально: реакція ли та потеря тонкости и сложности, которая произошла въ духовномъ мірѣ Россіи, — или исцѣленіе? Можно ли жить, т.-е. вынести жизнь и идею развитія, сохраняя въ душѣ все то, что знаетъ (слышитъ, какъ обертон) культурный, «на уровнѣ вѣка» теперешній европейскій человѣкъ? Не требуетъ ли природа и исторія какой-то жертвы, — какъ не разъ уже

бывало? Или никаких тупиков нѣтъ, и надо продолжать, все продолжать, только продолжать, — какъ молотомъ въ стѣну, пока въ трещину, съ противоположной стороны не блеснетъ свѣтъ?

Наконецъ, послѣднее, самое важное. Сталинъ объ этомъ вѣроятно не думаетъ, не думалъ и Ленинъ... хотя, сидя въ Кремлѣ, ну, когда нибудь ночью, послѣ докладовъ и совѣщаній, чувствуя все таки отвѣтственность за все, что было сдѣлано, и что будетъ сдѣлано, неужели могъ онъ ни разу не побеспокоиться, ну, ни на одну минуту, ни на одну секунду объ этомъ? Неужели ни разу не спросилъ онъ себя: а что же дальше? Отлично, водворится коммунизмъ, безклассовое общество, придетъ полное разрѣшеніе социальныхъ проблемъ. А дальше? Въ планетарномъ, такъ сказать, масштабѣ? Что будетъ съ человѣкомъ, что будетъ съ міромъ? А если Богъ все таки есть? А если страданіе неустранимо, и не стоило, говоря попросту, огородъ городить? И какъ говорилъ Толстой, «послѣ глупой жизни придетъ глупая смерть», то же въ планетарномъ масштабѣ. Была пятилѣтка. Но есть ли тысячелѣтка? Въ смутныхъ, смутнѣйшихъ чертахъ существуетъ ли истинный «планъ», воз-
можень ли онъ, — или игра ведется вслѣбую?

Пишу и ловлю себя на мысли: въ сущности, какое мнѣ дѣло? «Смерть и время царятъ на землѣ». Умру, ничего не буду знать, значить — все равно, пей, голубчикъ, и веселись, пока можно. Но нѣтъ, мнѣ не все равно, не буду же я самъ себя обманывать. Вѣроятно, правда: жизнь одна вездѣ.

Иногда думаешь: неужели это совершенно невозможно? Неужели все это исчезло навсегда, и нельзя никакъ, никакимъ способомъ, въ Россіи все вернуть къ тому состоянію, о которомъ многіе такъ горько, и въ сущности безкорыстно, мечтаютъ?

Чтобы опять зазвенѣлъ валдайскій колокольчикъ, надъ тройкой, въ темномъ, вѣковомъ лѣсу, да ямщикъ — ну, конечно, въ «красномъ кушакѣ» — насвистывалъ пѣсню. Чтобы мужики въ холщевыхъ рубахахъ кланялись въ поясъ рѣдкимъ проѣзжимъ. Чтобы томились купчихи на перинахъ въ бѣлокаменной Москвѣ, подъ смутный, неумолкающій гулъ колоколовъ. Чтобы въ сумеркахъ, на глухой станціонной платформѣ шептались гимназистки, подъ руку, отъ поѣзда до поѣзда, съ тургеневскими думами въ сердцахъ, и тяжелыми косами, — и вдаль гасла узкая, желтая полоска зари. Чтобы свободно и спокойно текли рѣчки, чтобы утопали въ прохладныхъ рощахъ синеглавыя въ звѣздахъ монастыри и гостепріимныя усадьбы. Что-

---

бы воскресла «святая Русь», однимъ словомъ, — и настала прежняя тишь, да гладь, прежняя сонная благодать.

Надо было бы сжечь почти всѣ книги, консервативныя и революціонныя, все равно, закрыть почти всѣ школы, разрушить всѣ «стройки» и «строин» — и ждать сто лѣтъ, пока не умретъ послѣдній, кто видѣлъ иное. Надо было бы на сто лѣтъ прервать всякую связь съ зараженнымъ міромъ, закрыть всѣ границы: это бредъ, конечно, это невозможно — но я говорю предположительно... Послѣ этого, когда улетучится всякое воспоминаніе объ усиліяхъ и борьбѣ челоуѣка, можно было бы, пожалуй, попробовать свято-россійскую реставрацію. Въ глубокой тьмѣ, — какъ скверное дѣло.

Блокъ: «да, и такой моя Россія, ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ». Да, вѣрно: «и такой». Блокъ какъ всегда правъ. Но въ сущности онъ еще любовался, и намъ теперь труднѣе: то, новое, чуждое, чужое — будто уже и не Россія. Что же дѣлать! Оставимъ все таки мертвыхъ хоронить мертвецовъ.

Въ оправданіе стиховъ. — Конечно, никакого вліянія, ни на кого, ни на что. Въ журналахъ — балласть, и если редакторы все таки печатаютъ ихъ, то лишь изъ боязни прослыть некультурными: редакторы въ журналахъ пошли нынче всепонимающіе и всепрощающіе, «Апполонъ» побѣдилъ все таки «Русское Богатство», редакторы захлебываются «помилуйте, мы привѣтствуемъ все красивое», и даже сами втайнѣ озабочены, чтобы матерьялъ солидный, серьезный украсить такими виньеточками. Полная беззащитность отъ упрековъ, которые, кстати, такъ легко и эффектно дѣлать. «Въ наше время, когда...» — такъ пожалуй люди литературно-грамотные уже не пишутъ, но внутренне все, даже въ лучшихъ случаяхъ, остается по прежнему: мы, умницы, заняты дѣломъ, вы, лодыри, дайте же намъ хоть поэзію, достойную этого дѣла, — и скрытое, инстинктивное злорадство при этомъ отъ сознанія, что требованіе невыполнимо, и что «вы», съ вашимъ непонятнымъ, смутно-тревожнымъ бредомъ въ головѣ, будете все таки уличены в дармоуѣдствѣ.

Но вѣдь стихи всегда беззащитны. По совѣсти: кому они нужны, — въ жизни, ну для этого «жизнетворчества», для работы и бодрости, кому? Все идетъ мимо. Не будемъ же лгать, оставаясь съ глазу на глазъ: это лунное, тихое дѣло — не надо на него нападать. Это два слова тамъ, два слова здѣсь — еле замѣтно, не всегда внятно, — которыя два сердца, два слуха то здѣсь, то тамъ услышать. Прогресса не было въ поэзи, не будетъ и упадка. Два

слова еще, двѣ-три струны, будто задѣтыя вѣтромъ... И ничего больше. Остальное — для отвода глазъ, для прикрытія слишкомъ беспомощно-нѣжной сущности — и ничего больше. Круговой порукой, молчаливо, мы это знаемъ, и даже пожалуй, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше знаемъ. Сейчасъ я ошибся и не то сказалъ: прогрессъ есть. Человѣкъ учится ощущать и выбирать, время точить душу, поэзія освобождается отъ трескотни, становится чище и тише. Другого ничего не можетъ быть и не должно быть. Критическіе фельетоны объ упадкѣ необходимы, потому, что иначе, безъ этого общаго склада и стиля нельзя жить: здѣсь иначе нельзя жить. «Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма». Но поэзія не здѣсь, а туда и оттуда. Затѣмъ, еще: есть у человѣка дневныя мысли, и есть ночныя... Узкій дымокъ. Два-три слова, которыя мы лучше все таки слышимъ теперь, чѣмъ сто лѣтъ назадъ.

II. БИЦИЛЛИ

ВЪНОКЪ НА ГРОБЪ РОМАНА

Недавно — неизвѣстно точно, котораго числа, мѣсяца и года, — послѣ долгой и тяжелой болѣзни, скончался Романъ. Покойный достигъ весьма преклоннаго возраста — достаточно напомнить, что онъ безъ малаго на два столѣтія пережилъ своихъ сверстниковъ: Оду, Трагедію и Героическую поэму; — въ послѣднее время состояніе его здоровья внушало серьезныя опасенія его многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ, и заставляло ихъ принимать героическія мѣры, дабы хоть нѣсколько отдалить роковую развязку. Однако ничто, даже режимъ усиленнаго питанія преміями, сіе давно испытанное и не однажды засвидѣтельствовавшее свою благотѣтельность средство, не было въ состояніи поддержать съ часу на часъ угасавшія силы страдальца; а неуспѣшное наблюденіе, которымъ онъ былъ окруженъ со стороны авторитетовъ науки, мы боимся, лишь способствовало ускоренію наступленія того момента, когда неизбѣжное свершилось, — хотя, повторяемъ, преждевременной кончину Романа никакъ нельзя назвать.

Жизнь покойнаго столь изобиловала поучительными примѣрами превратности судебъ, что даетъ богатую пищу для размышленій, коимъ какъ нельзя болѣе умѣстно предаться надъ свѣжею могилою. Чтя истину превыше всего, мы рѣшаемся отказаться отъ строгаго соблюденія правила, завѣщаннаго древними римлянами «О мертвыхъ ничего кромѣ хорошаго!» — и открыто заявляемъ — давность происшествій, о которыхъ идетъ рѣчь, да послужить намъ извиненіемъ! — что годы юности усоннаго протекали отнюдь не безупречно и притомъ въ такой обстановкѣ и въ такихъ компаніяхъ, какими люди благовоспитанные справедливо гнушаются.

Однако, можно ли это поставить въ упрекъ покойнику? Никакъ, ибо такъ, еще съ колыбели, было опредѣлено ему фортуною. Въ отличіе отъ своихъ вышеупомянутыхъ сверстниковъ, Романъ увидѣлъ свѣтъ не въ позлащенныхъ чертогахъ Царей, но гдѣ-то въ корчмѣ на большой дорогѣ.¹⁾ Дивится-ли, что побродяги, странствующие комедіанты, кавалеры индустріи и улч-

---

1) Во избѣжаніе недоразумѣній, укажу, что рѣчь идетъ искл.чительно о Романѣ въ прозѣ, а не о его соименникѣ, Романѣ въ стихахъ. Изъ Пушкина извѣстно, что между обоими романами — существуетъ «дьявольская разниця».

ныя дѣвки были первыми его пѣстунами, а впоследствии сотоварищами его забавъ и упражненій? Отъ нихъ перенялъ онъ и сохранилъ надолго ихъ вкусы, понятія, нравы, повадку и рѣчь, по которой получилъ и самое имя свое, которому пребылъ онъ вѣренъ и тогда, когда судьба неожиданно взыскала его своими милостями и вознесла его на высочайшія степени преуспѣянія и благоденствія.

Съ Романомъ случилось то, что обыкновенно случалось съ его собственными героями. Герой Романа коснѣеть въ безвѣстности и въ ничтожествѣ, водится съ самыми непочтенными людьми, ему самому угрожаетъ опасность стать пропащимъ человѣкомъ — и вдругъ: нѣкто, богатый и знатный, узнаетъ въ немъ свое дѣтище и устраиваетъ его счастье. Отличіе судьбы Романа отъ судьбы его героевъ лишь въ томъ, что, лицо, бывшее виновникомъ переворота, происшедшаго съ Романомъ, искало, если ему вѣрить, не столько того, чтобы его осчастливить, сколько, чтобы ему напакоstitь. Такъ это или нѣтъ, — важно, что, однажды связавшись съ Романомъ, Сервантесъ сталъ ему прямо-таки вторымъ отцомъ и надѣлилъ его всѣми тѣми свойствами, которыми онъ не переставалъ привлекать впоследствии сердца такихъ благодѣтелей, каковы: Фильдингъ и Дикенсъ, Стендаль и Флоберъ, Толстой и Достоевскій.

Встрѣча съ подходящими людьми — дѣло случая. Однако, сдѣланный сейчасъ перечень именъ говоритъ за то, что случай еще не все въ жизни и что переменѣ происшедшую съ Романомъ на половинѣ его жизненнаго пути, едва-ли можно объяснять столь упрощенно, какъ объяснялись подобныя вещи въ старинныхъ романахъ и какъ онѣ уже никогда не объясняются въ новѣйшихъ.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Романъ, снабженный средствами къ дальнѣйшему безбѣдному существованію благороднымъ испанцемъ, не пожелалъ оставаться въ отечествѣ послѣдняго, а заявилъ себя въ рядѣ другихъ земель обитаемаго міра, однако, отнюдь, не повсемѣстно, а почти исключительно въ трехъ странахъ: въ Англіи, Франціи и въ далекой, варварской Россіи. У итальянцевъ есть только одинъ образецъ подлиннаго, «классическаго», т. е. соціально-психологическаго романа, — «Обрученные» Манцони. Романъ прекрасный, но своею единственностью и несмѣняемостью напоминающій вѣчное дежурное блюдо дешевыхъ ресторановъ. У нѣмцевъ есть Гете, но только: называть творца Вертера и *Dichtung und Wahrheit* творцомъ Вильг. Мейстера, не значить-ли это проявить прямо-таки грубое непониманіе тѣхъ совершеннѣйшихъ образцовъ ху-

---

дожественной прозы, каковы Вертеръ и *Dichtung und Wahrheit*? А между тѣмъ именно В. Мейстеръ и есть подлинный социально-психологическій романъ «большой формы», — произведение умѣйшее, значительнѣйшее по замыслу, но и невыразимо, невыносимо, безпросвѣтно скучное. Есть у нѣмцевъ новѣйшіе романисты, писатели очень почтенные, очень обстоятельные и даже, можетъ быть, глубокіе; но ихъ романы словно писаны для Нобелевской преміи или «для юношества и самообразованія», и въ концѣ концовъ могутъ прекрасно быть переработаны въ какой-нибудь *Grundriss der Sittengeschichte des... Jahrhunderts quellenmässig dargestellt von...*, ö. o. Professor an der Universität..., in 2 Bänden mit Sach- und Namenregister. (Я оставляю въ сторонѣ упоительные скандинавскіе романы — лирическая поэмы въ прозѣ). Случай Германіи тѣмъ поразительнѣе, что, въ отличіе отъ Италіи, литература которой послѣ Ренессанса, вообще, за малыми исключеніями, заглохла въ провинціализмѣ, были же у него въ новѣйшее время міровые поэты драматурги, наконецъ, единственные, несравненные мастера философско-художественнаго слова, каковы Шопенгауэръ и Ницше.

Въ чемъ тутъ дѣло? При попыткѣ разобраться въ вопросахъ подобнаго рода, вопросахъ исключительной сложности, и дать на нихъ — конечно гипотетическій — отвѣтъ, полезно начинать съ обращенія къ какому-нибудь особо бьющему въ глаза примѣру. Таковъ примѣръ какъ разъ В. Мейстера. Гете, какъ мало кто, проникъ въ самую суть романа, понялъ, до Бальзака и Стендаля, чѣмъ онъ можетъ и чѣмъ долженъ быть, и выполнилъ заданіе съ исключительными добросовѣстностью и самообладаніемъ, не позволяя себѣ никакихъ отклоненій, никакихъ нарушеній внутренняго закона избраннаго имъ «жанра», извлекъ изъ своей темы всѣ возможности, такъ что В. Мейстеръ могъ бы считаться классическимъ, чистѣйшимъ образцомъ романа — не будь онъ до такой степени скученъ. Вопросъ сводится къ тому, почему онъ такъ скученъ. В. Мейстеръ — «образовательный», какъ говорилось тогда, романъ. «Образованіе», т. е. духовное формированіе «героя» протекаетъ здѣсь на нашихъ глазахъ, отъ начатковъ до завершенія. Оно распадается на два большихъ періода. Сперва «годы ученія», затѣмъ — «годы странствованій». Личность сперва слагается въ «маломъ» свѣтѣ, затѣмъ, вступаетъ въ «большой» и научается постепенно познавать свои возможности и свои границы, достигаетъ полноты своего самоосуществленія, своей конкретизаціи, состоящей въ органическомъ единеніи «Я» съ не-Я». Тема В. Мейстера т. обр. связана съ темой Фауста. Но она, т. сказ. скромнѣе, умѣреннѣе — «большой міръ» В. Мейстера все-таки не «Всеединство» Фауста — и тѣмъ самымъ

прозаичнѣ: прямая тема романа, а не мистеріи. И вотъ замѣчательно, что если поэтическая, неизмѣримо, казалось-бы, труднѣйшая, тема Гете далась, если не цѣликомъ, то хоть частично (вся 1-ая часть Фауста, отдѣльныя мѣста 2-ой), то прозаическая, болѣе простая, не далась вовсе. Почему? Потому что этотъ «малый міръ», въ которомъ родился и выросъ Гете, который онъ изобразилъ съ такой пластичностью и свѣжестью красокъ въ *D. und W.*, со «Всеединымъ» былъ связанъ органичнѣ, прочнѣ, нежели съ «большимъ міромъ». Личность, семья, отцовскій домъ въ родномъ городѣ, затѣмъ, сразу, даже не «Вселенная», а именно «Все», «Всеединое». Таковъ міръ Гете, — міръ всякаго истиннаго нѣмца, по крайней мѣрѣ, того времени. Промежуточные же ступени, общество, отечество, нація, — еще только «постулаты разума», а не данные реально объекты.

Вернемся снова къ Донъ-Кихоту. Сервантесъ первый согналъ своего героя съ большой дороги и заставилъ его хоть умереть дома. Расцвѣтъ романа съ этого начинается. Дѣйствіе его съ дороги переносится въ домъ, — сперва въ усадьбѣ, затѣмъ и въ городѣ. Изъ непомнящаго родства, подкидыша, бастарда, герой обращается въ «потомка» и вмѣстѣ «предка», изъ безпаспортнаго босяка — въ собственника, хозяина и гражданина. Торжество романа наступаетъ тамъ и тогда, гдѣ и когда слагается общественный слой, сильный въковой традиціей, сохраняющій свою собственную, специфическую фізіономію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ того какъ онъ — волею или неволею — сталъ носителемъ общенародной идеи, исполнителемъ обще-національной задачи, вступившій въ стадію рефлексіи, критики, самосознанія. Герой новаго романа уже не авантюристъ, не «чистая личность», которая тѣмъ самымъ и безличность, общее мѣсто любыхъ «возможностей»; онъ приобретаетъ осѣдлость и вмѣстѣ съ нею — характеръ; онъ — часть быта, но часть мыслящая и отвѣтственная: ибо онъ, осуществляя свою судьбу, «представляетъ» свой классъ, свое сословіе и свой народъ. Въ такомъ положеніи былъ англійскій *country-gentleman*, начиная со времени Перваго Георга, русскій помѣстный дворянинъ со времени Петра, французскій буржуа съ того же времени. Англія, Франція, Россія — три страны, первыми осуществившія національно-государственное объединеніе и жившія полной и богатой національной жизнью, между тѣмъ какъ Испанія, послѣ слишкомъ быстрого подъема, впала въ долгій сонъ, а въ Германіи и въ Италіи провинція и городъ возобладали надъ общимъ отечествомъ.

Національное возрожденіе, реализація общенародной идеи наступили въ этихъ послѣднихъ странахъ поздно, уже при тѣхъ соціально-бытовыхъ

условіяхъ, которыя привели къ тому, что Романъ и тамъ, гдѣ было его собственное царство, сталъ клониться къ упадку. Агентомъ исторической жизни, гражданиномъ, выразителемъ «общей воли», сталъ въ нашей время человекъ, въ одномъ отношеніи похожій на героя стариннаго, «плутовскаго» романа. Тотъ былъ существомъ, потерявшимъ свой классъ, свой домъ, свой бытъ. Этотъ, сидя дома, оставаясь въ рамкахъ своего класса и въ условіяхъ своего быта, живетъ все равно что внѣ дома, внѣ класса, внѣ быта, ибо классы уравнились, бытъ «стандардизовался», домъ смѣнился квартирой. Тотъ былъ безличенъ, ибо оторвался отъ среды, и будучи ничѣмъ, былъ тѣмъ самымъ «способенъ на все» въ томъ смыслѣ, что съ нимъ могла случиться любая авантюра — въ поискахъ ея онъ и мотался по большой дорогѣ; — этотъ безличенъ потому, что всецѣло связанъ съ насквозь «стандардизованной», обезличенной средой, и вся его жизнь — сплошной для него случай, строжайше предусмотрѣнный какой-то конъюнктурой, непреложной волей какого-нибудь концерна анонимныхъ акціонерныхъ компаній, этой его раціонализованной, разоблаченной, но не менѣе отъ этого могущественной Судьбой.

Въ различныхъ условіяхъ по разному возникаетъ и различный характеръ пріобрѣтаетъ личное сознание. Герой классическаго романа достигалъ самосознанія какъ отвѣтственный исполнитель миссіи, выпавшей на его родъ, на его классъ, его родину. Герой стариннаго «дорожнаго», «плутовскаго» романа, съ которымъ могло «все случиться», тѣмъ самымъ склоненъ былъ считать себя способнымъ на все и ко всему. Новѣйшій человекъ, съ которымъ случается только то, что «со всѣми», и который не отвѣчаетъ ни за что, имѣетъ особую амбицію: единственной возможностью для него не слиться со всѣми, сохранить себя, кажется для него — уйти въ себя, отдѣлить свою, единственную, свою собственную «внутреннюю» жизнь отъ всеобщей, одинаковой «внѣшней». Онъ возводитъ себя въ герои новаго романа, въ которомъ уже нѣтъ среды, ни быта, нѣтъ и событій, «внѣшнихъ фактовъ», — развѣ только какъ поводы для «переживаній». Тѣмъ значительнѣе для него все «внутреннее», духовное или матеріальное, — безразлично; все — вплоть до разнаго рода секретій, каковымъ тоже отводится мѣсто — и немалое — въ произведеніяхъ новѣйшаго фасона, выдающихъ себя за наслѣдниковъ покойнаго Романа.

Случается порой и Новому Человеку выглянуть на свѣтъ божій и удостоить «внѣшнее» своимъ милостивымъ вниманіемъ. Что же онъ видитъ тогда? Не знаю, былъ-ли къмъ либо замѣченъ фактъ необыкновеннаго разви-

---

тія, въ современной литературѣ, п а р о д і я. Пародія есть особый видъ насмѣшки, болѣе коварный и ядовитый, чѣмъ карикатура. Эффектъ несоотвѣтствія между ожидаемымъ и воспринимаемымъ, лежащій въ основѣ комическаго, въ карикатурѣ достигается тѣмъ, что въ ней подчеркиваются, выпячиваются, нѣкоторыя черты въ изображаемомъ. Три, равнымъ счетомъ, волоса на головѣ Бисмарка, — вотъ простѣйшій примѣръ карикатуры. Въ пародіи высмѣиваемыя черты не шаржируются, не преувеличиваются, а только обезсмысливаются. Достигается это тѣмъ, что въ опредѣленную форму вливается постороннее, съ ней не связанное, ее прямо-таки подчасъ исключющее содержаніе. Тѣмъ самымъ, изъ органическаго единства символовъ, форма обращается въ кучу «пріемовъ». Карикатура всегда трактуетъ свой предметъ какъ живую величину; она участлива и сочувственна. Три волоска Бисмарка смѣшать лишь того, для кого Бисмаркъ — конкретный человѣкъ, а не «представитель германскаго имперіализма». Идіотская, автоматическая скудность Гарпагона или Плюшкина смѣшить насъ лишь въ томъ случаѣ, если мы воспринимаемъ ихъ какъ мыслящія, сознательно-волящія существа. Напротивъ, если что-либо становится предметомъ пародіи, то это значить, что оно для пародирующаго умерло. Такъ обычнымъ предметомъ пародіи были до сихъ поръ литературные «жанры», стили, «пріемы» — именно тогда, когда они начинали восприниматься какъ «пріемы», когда отъ нихъ отлетала та ихъ душа, которой они были символами. У Пруста пародированы различные соціально-культурные стили французскаго общества. Въ романахъ великолѣпнаго знатока Италіи Aldous Huxley, пародированы жизненные стили чуть-ли не всѣхъ эпохъ ея исторіи. Это еще бы ничего. Но у Пруста, предметомъ пародіи бываетъ сама жизнь, а у Андре Жида она является уже единственнымъ такимъ предметомъ. Что это значить? Обезсмысленіе жизни у ея пародистовъ состоитъ не въ томъ, что «возвышенное», въ изображеніи ея у нихъ, отступаетъ передъ «низменнымъ», «красивое» — передъ «безобразнымъ», «героическое» передъ «пошлымъ», но въ томъ, что и «возвышенное» и «красивое» и «героическое» объясняются, а объясненіе заключается въ «сведеніи» объясняемаго къ простѣйшимъ психо-физическимъ процессамъ. Элементы этого обращенія съ жизнью даны уже у «великаго упростиеля» какъ недавно назвалъ Толстого С. В. Завадскій. Однако, упрощая, разлагая, Толстой даетъ новый синтезъ жизни; ибо онъ оперируетъ, т. ск., изнутри, участвуя всѣмъ своимъ существомъ въ той Все-жизни, что даетъ себя знать въ процессахъ, на какіе онъ «сводитъ» ея высшія проявленія. Поэтому, сводя высшее къ низшему, Толстой не обезсмысливаетъ его; разлагая Сложное на

Простое, не умерщвляетъ его, разоблачая секреты живущихъ, дѣлаетъ лишь ощутимѣе Тайну самой Жизни. Прусть, Поль Валери и Жидь, оперируютъ извнѣ; не соперживаютъ, а наблюдаютъ, не соучаствуютъ, а принимаютъ къ свѣдѣнію (Америка и Лига Націй!) и потому, разоблачая современную культуру, «сводя» ее къ сплошному ряду «пріемовъ», въ конечномъ итогѣ обезсмысливаютъ Все. Толстой подчиняетъ Жизнь Х о з я и н у. Новый Человѣкъ сотворилъ себѣ божество иного сорта, Господина Голову (Monsieur Teste), Поля Валери, божество, наконецъ-то избравшее позицію достойную своего сана, уже по настоящему трансцендентное, не то что всѣ прежніе боги, относительно которыхъ свѣдущіе люди терялись въ догадкахъ: трансценденты-ли они по отношенію къ Міру, или иманентны. Это божество не достаиваетъ матеріи своимъ прикосновеніемъ — какъ бы рукъ не замарать? Творить, распоряжаться, — для него дѣло черезчуръ хлопотливое и неопрятное. Оно только познаетъ. Это его монополія; у познаваемого же отымается всякій его собственный смыслъ. Жизнь обращается тѣмъ самымъ въ свою собственную Пародію. Надо отдать справедливость Андре Жиду: у него все-же есть какой-то Идеалъ полной, цѣлостной жизни. Но привычка-ли къ Пародіи, или то обстоятельство, что въ эмпирической жизни онъ не видитъ ни намека на воплощеніе этого идеала, — только его собственныя воплощенія цѣлостнаго человѣка сами сбиваются на пародіи. Романъ-же, изображающій пародію на жизнь, самъ можетъ быть только пародіей романа. Жидъ этого и добивается, намѣренно сшивая матерію своихъ романовъ бѣлыми нитками, механизуя конфликты, утрируя параллелизмы ситуацій и т. п.

Надѣмся, что всѣмъ вышеизложеннымъ мы успѣли окончательно убѣдить любезнаго читателя въ истинности печальной вѣсти о смерти Романа. А теперь, слѣдуя классическому пріему романистовъ, мы подносимъ читателю сюрпризъ и радуемъ его извѣстіемъ, что Романъ снова воспроизвелъ судьбу столькихъ своихъ героевъ. Начавши за упокой, мы кончаемъ за здравіе. Романъ и не думалъ умирать. Это намъ такъ только показалось, по причинѣ узости нашего кругозора, — свойство всѣхъ любителей Изящнаго. Мы все смотрѣли въ литературу; что бы намъ заглянуть и въ беллетристику? Плебейское происхожденіе Романа выдало таки себя. Его аристократическіе сверстники умерли разъ навсегда, не торгуясь съ жизнью. У Романа на это не хватило доблести и достоинства. Разоблаченный и высмѣянный, выгнанный изъ литературы, гдѣ онъ занималъ положеніе поистинѣ царственное, обратно въ беллетристику, изъ которой онъ нѣкогда вышелъ, онъ не сторѣлъ со стыда, онъ не изнемогъ подъ ударами Рока, а проявилъ удивительную и,

---

правду говоря, мало привлекательную живучесть. Пріютившись на пятой страницѣ ежедневной газеты, онъ терпѣливо дожидается читателя — и оказывается правымъ: вѣрный старому другу, читатель, минуя Бунина, Тэффи и Ремизова, пробирается къ нему на газетные задворки и съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, кажушимся цѣнителямъ изящнаго тупоумнымъ, на самомъ дѣлѣ глубоко человѣческимъ, — съ какимъ онъ нѣкогда торопился узнать, свидится-ли Хариклея съ возлюбленнымъ Θεагеномъ, удастся-ли душкѣ-рыцарю выбраться изъ заколдованнаго лѣса, ждетъ, чтобы красивый и симпатичный агентъ Скотландъ-Ярда раскрыть передъ нимъ тайну убійства мистера Валькина и снялъ бремя подозрѣнія, тяготѣющаго надъ невинной дактило.

Изъ исторіи Романа, хронологически совпадающей съ исторіей умѣющаго грамотѣ Человѣка, позволительно извлечь нѣкоторую мораль. Мѣняются эпохи, боги, культы — но все это пустяки и одна видимость: ибо любезный читатель *Recognitiones*, Амадиса Галльскаго и Арсена Люпѣна, остается тѣмъ же самымъ любезнымъ читателемъ, какимъ онъ былъ во времена царя Турна и Иосифа Прекраснаго, безсмѣннымъ, присносущимъ, тождественнымъ себѣ и развѣ что смѣнчившимъ хитонъ на епанчу и епанчу на пиджакъ. Смерть Романа въ литературѣ и его посмертная жизнь въ беллетристикѣ — впрочемъ, онъ жилъ въ ней всегда, и можно было бы написать его *biographie romanesque* подъ заглавіемъ «Двойная жизнь Романа», — явленіе, имѣющее значеніе символа. Оно говоритъ о смерти культуры Новаго времени, событіи, спору нѣтъ, весьма прискорбномъ, но до котораго подавляющему большинству людей, именуемыхъ культурными, не болѣе дѣла, какъ до прошлогодняго слѣга. А изъ этого слѣдуетъ, что исторія вовсе не такая ужъ важная вещь, какъ это вообразили себѣ историки. Историкамъ и философамъ культуры любезный читатель съ полнымъ правомъ противопоставляетъ скотницу Хавронью, бывшую, какъ извѣстно, мастерицею сказывать и с т о р і и.